

**НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ ИНСТИТУТА НОВОГО
ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ИНИР) им. С.Ю. Витте**

**ИНСТИТУТ НОВОГО
ИНДУСТРИАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ (ИНИР)
им. С.Ю. ВИТТЕ**

**КАПИТАЛ
И НООИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПЕРЕХОД**

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЫПУСК

**Санкт-Петербург
2018 г.**

Капитал и нооиндустриальный переход / Тематический выпуск /
Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР, 2018. – 47 с.

Институт
нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте

**КАПИТАЛ
И НООИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПЕРЕХОД**

Тематический выпуск

*Редактор: Золотарев А.А.
Допечатная подготовка:
Чеканова Е.Е., Федоров А.В.*

Подписано в печать: 24.12.2018.
Тираж 1000 экз. 47 с.
Заказ № 26500454

Отпечатано в печатном цехе ЗАО «Монетная»
197101, Санкт-Петербург, ул. Большая Монетная, 16

Санкт-Петербург
2018 г.

ISBN 978-5-00020-056-8

ISBN 978-5-00020-056-8

© Институт нового индустриального
развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, 2018

Нужно понимать ситуацию, что, если мы сейчас говорим о том, что мы приходим к шестому технологическому укладу, то возможности шестого уклада... Да, я хотел сказать, забыл.

Всякий переход, технологическое изменение приводило к изменению технологических укладов. Производственные уклады формировали новый тип общества всякий раз: индустриальный способ производства, новые технологии того этапа привели к формированию, в том числе, капиталистического общества, а не наоборот. Сейчас каждый новый этап дает новые возможности гораздо более широкие для удовлетворения человеческих потребностей. И если мы говорим, что человеческие потребности мы будем удовлетворять гораздо больше, чем сейчас, если эти потребности не будут разумными, то можно использовать технологический прогресс как инструмент, который, условно говоря, дали ребенку, недоразвитому существу.

Если ребенку дать молоток – он не будет забивать гвоздь. Он себя ударит по ноге или разобьет стекло и порежется и так далее. Сейчас человек находится в таком состоянии очередной раз, но при этом возможности нынешнего этапа – в чем особенности нынешнего этапа – такие гигантские, что они просто могут привести человека сразу на грань катастрофы, если неправильно их использовать.

АВБ. Отлично.

СДБ. Я могу сказать, что то, что мы рассматриваем финансовый капитал как элемент концепции ноономики, это не только качественные изменения самого инструмента, капитала. Точно так же происходят изменения в технологиях, качественные изменения в производстве, качественные изменения в социуме и так далее. Мы стоим перед качественным скачком целиком всего перехода нашего. При изменении качества системы в системе всегда существуют элементы, связи и прочее. Система эта очень и очень связана. Но при этом элементы системы, развиваясь, каждый из них во взаимосвязях между собой, каждый из них развивается с разными скоростями. Дисгармония, дисфункция скоростей, несогласования скоростей.

АВБ. Гармония, дисфункция. Нет, рассогласование скоростей, трансформация разных общественных систем, технологий, экономики, социальная, духовная и так далее.

СДБ. Да, может привести к тому, что система пойдет на разрыв, невозможно напряжению связей быть беспредельным. Есть предел всякий раз. Как это нужно понимать во взаимосвязи, в контексте, что развитие социально-экономической системы происходит следующим образом: социум, человек как элемент социума создает потребность, потребность в производственной системе удовлетворяется, формируется, расширяется через знание производственная система. Она дальше становится первичной для развития социума в целом. Технологические изменения на всяком новом этапе приводят к последующей трансформации общества, общественных отношений. Поэтому социально-экономические отношения, в том числе не только производственные, это всякие экономические отношения, связанные всё равно так или иначе через производство, пусть и опосредованно.

В связи с этим нужно понимать, что это – единая система, в ней могут быть разные элементы. Я говорил о том, что в ноообществе произойдет отделение производственной системы и социума, но это не значит, что не будет общей системы взаимоотношений, потому что это будет общая система. Человек, как ноо – как в целом человечество, социум и производственная система, как элемент общей системы, удовлетворяющей потребности социума.

Содержание

	Стр.
1. С.Д. Бодрунов. Изгнание торговцев из храма. Финансовый капитал – глобальная угроза цивилизации.....	4
2. С.Д. Бодрунов. Нооиндустриальный переход: роль финансового капитала.....	12
3. С.Д. Бодрунов. Гиперразвитие финансового капитала как глобальная цивилизационная угроза.....	26
4. Стенограмма коллоквиума Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте по теме: «Финансовый капитал как могильщик капитализма».....	38

С.Д. Бодрунов,
директор Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного
экономического общества (ВЭО) России,
Президент Международного Союза экономистов,
д.э.н., профессор

**Изгнание торговцев из храма. Финансовый капитал –
глобальная угроза цивилизации***

Некоторые тезисы

1. «Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше». Известное присловье из житейской мудрости. На самом деле – где легче, проще добыть желаемое («лучше» – с точки зрения количества прилагаемых для получения желаемого усилий). Естественно, в рамках «окна текущих возможностей». Природа вообще всегда идет по самому простому, минимально «затратному» пути (в рамках ее «окна возможностей» – природных законов и возникающих преград). Выживает то, что менее «затратно». И не использует «лишнего». Древний человек – существо исходно природное – добывал еду, чтобы съесть, а не накопить. И шкуру, чтобы укрыться от ветра. А не две. Столько, сколько надо. По потребности. И эти потребности не простирались далее горизонта «здесь и сейчас». Потом сообразил, что на разные коллизионные случаи должен быть запас. Стала быть осознанной им эта новая потребность. И стал он добывать несколько больше, чем требовалось на текущий момент. Потом он понял, что какие-то продукты он может получить в излишке (что-то у него проще, лучше/быстрее получается, чем у других, к примеру), зато каких-то ему не хватает, но – они есть у соседа. И возникла мена, меновая торговля. Простая поначалу – менялась, условно, одна рыба на одну шкуру (предполагаем, что их «ценность» в тот момент была

* Опубликовано в журнале «Вольная экономика». – 2018. – № 07 – С. 120-125.

вдалбливания, что нужно купить, он всяко старается перевести добро на дерьмо, на приращение самой финансовой прибыли.

АВБ. Это точное выражение, которое в печатном тексте мы несколько скорректируем?

СДБ. Не стоит корректировать, смысл понятен...

АВБ. Точно.

СДБ. Смысл понятен, и мы находимся сейчас в ситуации: сейчас в мире мы пришли к этой ситуации. Подобная ситуация на каждом этапе технологического прогресса. Переходим к новому технологическому укладу – обратите внимание – сопровождается это всё расширением экспансии, войн, конфликтов и так далее. Хотя, казалось бы, удовлетворение потребностей должно позволить людям лучше быть. Почему это происходит? Потому что идет дисгармония, отставание общественного сознания от возможностей технологического прогресса.

Чем остра ситуация сейчас, почему она острее, чем раньше? Потому что технологический прогресс всякий раз дает гораздо больше возможностей, чем предыдущий этап. Если их неправильно использовать, то риски резко возрастают. Сейчас технологический прогресс дает такие возможности, которые позволяют чуть ли не каждому террористу иметь атомную бомбу. Эти возможности, если он не дорос, если он ходит с ножом – то, конечно. А если с ножом ходит человек, который обладает финансовым капиталом?

АВБ. Ну да, в качестве ножа выступает финансовый капитал.

СДБ. Даже он может нанять с ножами, чтобы расчистить рынок, чтобы под благими предложениями, если он не созрел, как социум, он, как социум, может создать самому себе угрозу. Вот о чем я и говорю.

АВБ. И еще – последнюю идею про дисгармонию скоростей, Сергей Дмитриевич. Это важно, дополните. Будем говорить о трансформации технологии, экономики и социума и...

АВБ. Не будет.

СДБ. А африканский джентльмен?

АВБ. Может.

СДБ. Запросто. Поехали, за 100 долларов убили трех журналистов и всё. Или молодой студент. Ваша студентка говорила о том, что ей нужна помада за 500 долларов – она лучше. А Ваша супруга, я думаю, вряд ли скажет, что за 500 долларов лучше, потому что она более зрелая. Человек зреет с возрастом, с накоплением знаний. Общество тоже зреет с накоплением знаний, накоплением понимания ситуации, но при этом способствующий этому элемент – удовлетворение потребностей, реальных потребностей, по крайней мере. Я напоминаю, что у нас реальные потребности тоже со временем меняются, и некоторые бывшие симулятивными становятся реальными на следующем этапе. При этом не надо слишком симулятивные потребности возводить в абсолют – они должны быть реальны на этом этапе.

Если это мы понимаем под «зрелостью общества», то тогда, в этом случае, у нас проблемы. Общество наше европейское, американское – цивилизованные народы не созрели, чтобы правильно использовать технологический прогресс. Не созрели они еще и потому, что этот технологический прогресс еще не накормил всех. Почему не накормил всех, хотя сегодня зерна производится в мире столько, что всем хватит хлеба, а люди голодают, миллионы и миллиарды людей? Потому что существует до сих пор капиталистический способ присвоения этих самых благ. Технологический прогресс дает возможность при содействии финансового капитала, который поглотил результаты технологического прогресса, перераспределять доход в пользу финансового капитала, а не в пользу капитала производственного, не в пользу реальных потребностей людей.

Отсюда и эта связка симулятивности и финансового капитала, потому что он за счет любых вещей, за счет «обдирания» других людей по-старому, народов, стран и так далее. За счет инновационной маржи, за счет новых рынков, за счет симулятивного

эквивалентной). Потом некто гениальный изобрел возможность что-то обменять неэквивалентно – и, о чудо, получить не одну шкуру за одну рыбу, а две! За те же усилия по добыче одной рыбы! Вот тут ему масть и поперла! Появилась «незаработанная» «прибыль». С развитием меновой торговли появился (был изобретен) денежный эквивалент стоимости продукта/товара. Вкупе с возможностью неэквивалентного обмена возникла и возможность аккумулировать прибыль в денежных единицах. Но – торговля развивалась. У разных народов/племен/родов появлялись разные денежные единицы. Устанавливался в процессе торга «валютный» обмен и «валютный курс». И самым простым способом аккумулировать прибыль стало – добывать ее в процессе мены «валют». А «вложение» аккумулированной «валютной прибыли» в «валютный обмен» – получение уже «денег из денег» (что существенно проще с точки зрения количества усилий по добыче/производству и его последующей реализации) – еще выгоднее. К этому стоит добавить изобретение связанного с этим процессом займа под «процент», аккумуляцию «прибыли будущего» (здесь нетрудно разглядеть оплату – первоначально – трудового времени, которое надо бы потратить на добычу/производство эквивалента «занимаемого», а затем – уже и «сверхэквивалента!»). Получило развитие, в силу большей простоты аккумуляции прибыли (по сравнению с «производством» здесь меньше «транзакций»), ростовщичество. Как финансовый институт. Проникающий во всё жизнеустройство. И несправедливый по своей сути. И строящий общество на несправедливой основе. И подчиняющий себе прочие институты общества. И имеющий большие шансы развития и пенетрации, чем производство. «Изгнание торговцев из храма» Христом – не о торговле, а о ростовщичестве. В древней Иудее оно не просто получило предельно оформленное развитие, но и через религиозно-государственное управление внедрено было в быт едва ли не как «указание сверху!» В храме нельзя было жертвовать «неподходящее» животное (а жертва была обязательной по религии!), если оно не было одобрено «специальными людьми», которым иерархами храма предоставлено было такое право. А не одобрено – купи «проверенное», здесь как раз есть – бери. Вот прямо в храме. И плати. Втридорога. С прибылью – известно для кого.

А уж введение специальной храмовой «валюты» (только ее можно было жертвовать, а денежная жертва (если не сикль (ныне – шекель), то хоть лепта) тоже была обязательной, даже введены были специальные «тарифы» – от кого и сколько...) – это уже вообще гениальное изобретение древних иудейских финансистов! Древний иудей, идя в храм (что тоже было, конечно, обязательным!), был обязан менять ходившие «бытовые» деньги на храмовые. А «курс» устанавливали менялы (их «офисы», меняльные конторы, были тут же, в храме), которые и ссудить могли тут же – под «процент». Ростовщичество как явление, проникшее в государственно-религиозный институт управления обществом и будучи им поддержанным, стало подменять собой истинное содержание и смысл религиозных установлений. Оно издревле рассматривалось как непроизводительный (и потому – несправедливый!) вид деятельности. Ведущий к тому кризису, о котором ниже. Потому и восстал Христос – возможно, первым явственно осознал губительность этого явления для цивилизации... В Европе ростовщичество распространилось в средние века, с купцами, использующими разрастающийся финансовый институт, и с рассеиванием иудейских общин с их традиционным видом финансовой деятельности, и полностью изменило лицо европейской культуры и общественного уклада. Именно этот финансовый институт дал возможность старта капитализму как новому общественному строю. Однако на начальных этапах извлечение прибыли шло преимущественно через производство продукта и его обмен, «инвестиции» должны были (вынуждены были) пройти сложный путь производства/обмена. Финансовый капитал был необходимым подспорьем в этом процессе. При этом, еще раз подчеркнем, преимущественную роль играл производительный, промышленный капитал. Почему? Потому что первичной была потребность растущего общества (острая!) в продуктах, товарах – надо было «одеться и накормиться», что и дал возможность сделать возникший на базе этой потребности изобретенный человечеством индустриальный способ производства. Породивший капиталистическое – по Марксу – (и индустриальное!) общество.

2. Однако с развитием капиталистических отношений роль финансового капитала росла. Финансовые транзакции – самый простой и быстрый способ извлечения/аккумуляции прибыли.

СДБ. Нет, надо смотреть. Я придерживаюсь методологии товарища Маркса. На определенном этапе он был очень прогрессивен. Без него не было бы развития, следующего этапа развития человечества под названием «капитализм». Капитализм на своем первом этапе был прогрессивнее во многих отношениях, чем предыдущий строй, потому он и победил.

В частности, если говорить о материальной стороне дела, то он накормил и напоил людей за счет изобретения индустриального способа производства. Его невозможно было поднимать, этот способ производства и реализовать его без финансового капитала, который в то время возник и на этой почве развивался. Другое дело, что с историческими изменениями, с историческим процессом, при изменении технологических этапов, при изменении, когда людей накормили и напоили – с чего получать прибыль. Прибыль получать как бы уже и не с чего. Необходимо расширение рынков либо за счет инноваций – давать продукт новый и новый, финансам вложиться, чтобы «выдернуть» новый продукт из производства, либо расширить рынок за счет старого продукта: захватить новые рынки и прочее – отсюда хищническая природа капитала. Он будет как можно меньше тратиться, как можно больше поглощать ресурсов, как можно за меньшие расходы, и при этом он готов на хищнический способ добычи прибыли. Хищнический способ – это, в том числе, и «впаривание» симулятивного продукта, товара. Сначала реальный – это было прогрессивно, потом симулятивный – это уже стало не прогрессивно. Война и захват новых территорий – тоже не прогрессивно.

Таких трендов много. Какие тренды победят? Зависит от того, каким будет соотношение скорости развития двух вещей: скорость развития производства, технического прогресса, и скорость осознания человеком социальных последствий, социальной надстройки, которая должна быть изменена. Она тоже меняется, но меняется она вслед за материальным производством. Да, она влияет на материальное производство, она толкает его, возникающая потребность заставляет думать – вроде как это как бы первично. Но с точки зрения формирования общесоциальных отношений изменений в обществе – они вторичны после материального производства. Вот здесь эта связка нас сильно пугает, потому что общество должно «созреть». Будет ли у нас европеец убивать за мобильный телефон?

любой капитал, а финансовый капитал – это часть, она имеет особенность ту же самую, что и весь капитал. Целевая функция – это дополнительная прибыль: увеличение, увеличение и увеличение ради увеличения. За счет чего финансовый капитал, проходя через производственный процесс, рос? Именно за счет того, что при инвестировании в реальный сектор экономики можно было получить дополнительные какие-то доходы от вложений, от продажи и так далее (не углубляясь). Через некоторое время с развитием отношений возникла ситуация, когда финансовый капитал стал превалирующим. Мы обсуждали эту тему – детально не будем.

Когда он стал превалирующим, для выражения своей основной функции он стал требовать того же, что требуют все – расширения своих возможностей, расширения рынков, расширения тех мест приложения, где он мог бы расти. При этом он не может функционировать сам по себе, так скажем, существовать сам по себе без материального производства.

Что происходит в материальном производстве? Происходит процесс ускорения научно-технического прогресса, процесс, требующий, с одной стороны, крупных финансовых вложений, с другой стороны, приводящий к тому, что те инструменты, которыми финансовый капитал оперирует (не только финансовый, но и вообще капитал, но и в том числе финансовый через посредничество), в частности, продукты реального материального производства становятся всё более дешевыми. Таким образом, через некоторое время исчезает основная цель и исчезает инструмент как таковой, который позволяет капиталу расти. Инструмент меняется, меняется цель – таким образом мы получаем следующую цепочку: финансовый капитал способствует развитию технологическому, технологическое развитие способствует умерщвлению финансового капитала, потому что исчезает цель, целевая функция капитала. Цепочка проста и понятна, если ее «пощупать».

АВБ. В данном случае я вполне понимаю. Вопрос: можно ли сказать так, что финансовый капитал становится свидетельством не самого продуктивного, или как-то, может быть, жестче сказать, тренда в развитии капиталистической системы и экономических отношений, или это будет не так?

Стремительный рост промышленного производства формировал потребность общества в развитии финансовых технологий. Появились кредитные организации и соответствующий инструментарий. При этом развитие финансирования как института, финансовых инструментов и технологий, в силу более быстрой оборачиваемости «объекта», осуществлялось более быстрыми темпами, чем развитие производства, требовавшего больше затрат и операций для извлечения прибыли. При этом для своего существования монетизированный эквивалент не мог обойтись без «реального сектора» – в конце концов, люди не едят же деньги и не одеваются в купюры... Происходил удивительный процесс. Финансы, будучи первоначально встроенными в процесс производства продукта, постепенно превратились в силу своей природы в равноценный, а затем – в превалирующий элемент производства, уже, в свою очередь, встроив – и то только в необходимых случаях! – производство в процесс извлечения прибыли. Почему? В силу двух вещей. Одна из них – указанная выше более простая/быстрая/эффективная форма аккумуляции прибыли. А вторая – сама эта прибыль как результат финансовой деятельности. Капиталист – не что иное, как «добыватель»/производитель, в конечном счете, не сапог или огурцов, а прибыли – в виде сапог, огурцов, неважно чего, и (проще всего!) в денежной форме (а тут как раз и банки/фининструменты все более развитые под рукой!). «Накопил – и машину купил» – это лишь часть (советская!!) формулы капитализма, начиная со второй половины XIX века. Новая формула – «Д-Т-Д» (неважно, просто Д или Д', главное – уже не деньги как посредник между товарами, а наоборот!). Отсюда – тренд выдавливания производительного капитала (более сложно устроенного и «добываемого») финансовым. Подчинившим себе на современном этапе «производственный» капитал. Но и промышленник-капиталист всегда ищет, «где глубже». В поиске добывания максимума прибыли он минимизирует издержки; он будет, однажды научившись (освоив в производстве) делать некий продукт (понеся на первом этапе внедренческие затраты) без изменений (без допзатрат, «снимая сливки» (о гуру-маркетолог Котлер!)) до тех пор, пока будет достигнут предел рынка данного изделия (насыщение/удовлетворение потребности), а потом только – станет делать усовершенствование продукта либо новый

продукт, т.е. «расширяя» рынок для себя. Почему он вынужден делать инновации? Потому что иначе не расширить рынок и не получить прибыли. (Кстати, отсюда следует несостоятельность постиндустриалистского «отказа от производства» и подтверждение нашего тезиса о сохранении его (в качественно новом виде) в качестве основы нового индустриального общества второго поколения).

3. Этот тренд особенно интенсифицируется, начиная с конца XIX века, что отразили в своих работах Гильфердинг, Ульянов и др.; в настоящее время доминирование финансового капитала над капиталом реального сектора получило название финансиализации. Причины и содержание этого процесса, однако, как правило, не раскрываются, дается лишь его количественная характеристика. Однако следует понимать, что, поскольку аккумуляция прибыли осуществляется в денежной (наиболее, в силу простоты транзакции, ликвидной) форме, обеспечивающей повышение эффективности инвестиций (перелив капитала, обмен и т.п.) – при достижении пределов насыщения рынка (удовлетворения реальных потребностей), но при неизменном сохранении «желания» капиталиста получать прибыль происходит изменение характера/типа удовлетворения потребностей и вида рынка. Вместо рынка покупателя/потребителя (формирующего преимущественно реальные потребности) формируется и все более растет рынок «продавца», который, в целях создания для себя новых рынков начинает влиять все более активно на предпочтения потребителя (в том числе – стимулируя формирование и расширение потребностей симулятивных!). Меняется характер отношений потребитель-рынок-производитель. Меняется даже зримо – к примеру, тип оповещения потребителя о товаре (с информационного – «где-что-почем» – до внедрения мысли, что без этого вввау-товара (чаще всего – как раз симулятивного) потребитель едва ли не помрет!). Именно так стимулируется возникновение и развитие другого типа потребностей – уже все более симулятивных, что привело ныне (и не могло не привести!) к их превалированию в современном «ВВП».

4. Особо отметим, что причины доминирования финансового капитала обусловлены не только его собственной природой (в частности, описанными выше особенностями, предельно высокой реадинесс-способностью и др.), но и развитием, как ни покажется

мысли друг друга. Будем формировать социум как мыслящее пространство, единое пространство.

Тогда возникает вопрос конфликта интересов. У меня есть свой интерес, у вас – свой и так далее. Да, эти интересы, если они разумны и не наносят ущерба интересам других членов совместного общества, которые понятны всем, – в этом случае материальная часть может быть удовлетворена за счет производственной системы. Всё остальное – симулятивное и наносное будет регулироваться этой самой системой ноо – то есть единого разума, общего разума.

Это и будет то самое ноообщество, в котором будут отношения людей формироваться вне материального производства.

АВБ. Это очень важный нюанс. Это то, что я хотел услышать. Сергей Дмитриевич, тема «Финансовый капитал как могильщик капитализма» – ищем альтернативную формулировку, более адекватную для академической среды.

СДБ. Если такая есть. Финансовый капитал, как и всё в мире, возник в определенный исторический момент. Финансовый капитал формировался, как выраженное удовлетворение потребностей в наращивании тех функций денежного оборота, которые позволяли иметь запас, резерв для последующих, можно сказать, инвестиций – для того, чтобы дальше развивать производство, развивать производственные, торговые и прочие отношения и так далее и тому подобное. Для того чтобы что-то делать, надо было накопить какой-то ресурс, который можно было бы потом переместить и за счет этого ресурса, например рабочую силу накопить, рабов нагнать, чтобы они построили новый порт или нагнать крестьян, чтобы они начали прясть полотно. Но вместо крестьян, может быть, с развитием капитализма и финансовых отношений можно было накопить денежки, нанять рабочих, которые построят порт или сделают что-то. Можно дальше руками строгать долго и сделать мельницу какую-нибудь, а можно купить. Финансовый капитал в этом плане абсолютно четко вписывался в исторический процесс формирования капитализма.

Финансовый капитал – это отделенная от производственного капитала часть, которая необходима в этих самых целях. Как и

творческим – мы об этом писали, я не буду детально об этом говорить, но переход понятен. С развитием материального производства мы всё больше и больше нетворческих функций передаем системе производственной, а творческие функции, приносящие как раз человеку удовлетворение, остаются за человеком. Потребность в труде отсюда вытекает автоматически. Потребность в получении удовлетворения от самого процесса творения, а труд – это будет творение – это и есть то самое удовлетворение. Поэтому я тут могу согласиться с выводами классиков марксизма о том, что труд станет первейшей жизненной потребностью человека. Жизненной потребностью.

Помните, господин Колганов мне задавал вопрос: «Что люди будут делать, когда всё будут делать машины?». Не будут делать всё машины. Машины будут делать нетворческую работу. Они не в состоянии творить. А творить будут люди. И в этом плане труд становится первейшей жизненной потребностью человека. Почему? Потому что в нем творческая компонента, которая приносит удовлетворение человеку. Человек – творец. Он приближается всё более и более к творцу. Это вывод, с которым можно согласиться.

Другое дело, что распределение по потребностям тут никакого отношения к этому не имеет. Распределение будет не по потребностям, а по разумным потребностям: каждому столько, сколько надо. Не распределение, а использование, получение всех благ, любых благ, которые только могут быть придуманы в рациональном поле. В этом плане все любые блага будут формироваться в производственной системе и передаваться человеку по любой его потребности. При этом, конечно, очень важный момент должен быть учтен – эти потребности должны быть разумными.

Как они формируются? Почему я называю это общество ноообществом? Когда технологический прогресс приведет человека к осознанию (я коротко говорю), что он не индивидуальное существо, а часть большого человечества – фактически это произойдет автоматически, потому что то самое праймиси, о котором мы говорим, исчезает и быстро исчезнет с развитием технического прогресса. Люди уже не смогут жить и существовать в обществе, где не будет открытости полной абсолютно. Будет полное пересечение всех мыслей. Мы будем «читать», условно говоря,

странным (но, конечно, только на первый взгляд), производственного сектора – в частности, созданием качественно новых технологий (и их активным применением в финансовой сфере как отклик на ее собственные потребности) и иными трансформационными процессами, вытекающими из прогресса технологий, с одной стороны, и этим прогрессом обусловленные, с другой (каковые финкапитал, как наиболее «пронырливый», активно использует – и с лучшим для себя результатом!).

5. Заметим, что в древнем обществе не было активного инновационного процесса. Тысячелетиями повторялось одно и то же – пока не была изобретена прибыль. Инновации – ответ на требование удовлетворения все более возрастающих потребностей, удовлетворение которых, как я писал уже не раз, через феномен осознания создает новые, все более расширяющиеся потребности. Описанный выше механизм формирования финансового института для получения прибыли активно содействовал развитию института инновации, придавая ему постоянное ускорение. Как отклик на расширение «потребности» в прибыли! Вспомним «ускорение НТП»! Откуда оно взялось? С чего это вдруг НТП возник, да еще и «заускорялся»? Вот именно «с этого»! При этом развитие инноваций, ускорение их внедрения создает предпосылки для «поддержки» ими других процессов – в частности, через инвестиции (в погоне за прибылью) – в сам инновационный процесс, создавая описанный нами ранее эффект «ускорения ускорения» НТП и время от времени переворачивая общество, формируя периодически новые технологические уклады. Сейчас современные технологии стремительно формируют новый техуклад, и в это дело «ускорение ускорения» инноваций дает основной вклад. Именно поэтому данный процесс является одной из базовых отличительных черт НИО.2.

6. Что несет нам растущая финансиализация экономики, да и всего нашего житейского уклада? Как писал Ломоносов, ежели где-то что-то прибавится, то где-то что-то отыметя. Финансовый капитал, да и капитализм по своей сути в целом, требует постоянного получения дохода. Т.е., получения чего-то из чего-то. Тут – два пути. Симулятивный – из «воздуха» (как бы): дериваты и пр. бррр. Конец любой такой оторванной от реального продукта истории ясен и печален. И, кстати, не так давно опробован.

Второй путь – расширение производства (экстенсивно либо интенсивно – в количестве и/или в качественном отношении). То есть – создание продукта не из ничего. А из чего? Где «отымаем»? У матушки-природы, ресурсами называется. И, учитывая а) характер/тип существующих общественных отношений (да, да, фактически везде – кап-кап-капиталистических...), а также б) тип становящихся превалирующими потребностей (симулятивных), мы (человечество!, звучит гордо, йес! – гордо ли?) перелопачиваем природный ресурс не просто на удовлетворение реальных потребностей общества, но – все больше – на дерьмо, сорри!.. При экономии на утилизации, рециклинге и т.п. Т.е. растущая финансиализация, отражая сложившиеся к настоящему времени общественно-экономические реалии, способствует – в силу опять же своей природы – ускоренному движению цивилизации к вселенскому кризису, по сравнению с которым «общий кризис капитализма» покажется философской игрушкой. Именно поэтому ВОЗНИКЛА настоящая, уже жизненно важная и непреходящая потребность в «ограничении капитализма», рационализации потребностей общества и способов их удовлетворения, переходе (при сохранении и развитии индустриального способа производства для удовлетворения реальных потребностей людей и отказе от наращивания потребностей симулятивных (соответственно, от категории прибыли, в качестве современного механизма «добычи» которой и используется финансиализация!)) к НИО.2 и последующему ноообщественному устройству (где не будет потребления «лишнего», и – вот-вот! – прибыли (как потребности, симулятивно возросшей из возникшей в древности и преодолимой (за счет техпрогресса) на ноэтапе потребности человека иметь обозримый запасец на всякий случай!..)).

7. Важное примечание. Доминирование финансового капитала в России после развала СССР – основная, глубинная причина состоявшейся деиндустриализации. Отсюда – требование ограничения финансового капитала как фактор реиндустриализации, необходимой для перехода к НИО.2. Это – к тому, ЧТО должно быть главным в нашей промышленной (!) политике, если мы хотим добиться перелома в технологической модернизации нашего хозяйства и экономического лидерства в будущем.

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Самодействующее производство.

АВБ. Хороший термин – самодействующее производство. Вопрос вот какой: насколько Ваш вывод и как корреспондирует и корреспондирует ли с этими идеями о высшей фазе коммунизма и потребностью в труде, или это просто некое совпадение? Как бы Вы прокомментировали?

СДБ. «Учение Маркса верно, потому что оно верно» – я написал в тезисах. Так вот, я совершенно другим путем формировал свое представление о том, что будет дальше: как будет развиваться социум, общество, в общем и целом, и так далее. Я пришел к следующему выводу: ответ прост, мне кажется, и понятен, если отталкиваться «от печки», от главного. Человек всегда существовал в рамках своих потребностей. Человек – это потребности, человек – это то, что он хочет получить. Для того чтобы реализовать свои потребности, человек ищет способ их удовлетворения. Дальше уже тяжело, всё, закрыли. При развитии общества в том направлении, о котором мы говорим, ноообщества, у человека формируются разные потребности, в том числе, в первую очередь, потребность в труде. Почему эта потребность важна? Потому что она, на самом деле, исторически сформировавшись, почему стала потребностью быть, потому что потребность – это удовольствие. Потребность – это решение какой-то задачи, приносящей удовлетворение. В этом плане удовлетворение потребности – это удовлетворение утилитарного, в прямом смысле этого слова, удовлетворения.

Труд – это такая компонента производственного процесса, которая может приносить удовлетворение сама по себе. Это отличие труда от других компонент производственного процесса. Там тоже есть знание, там тоже есть материальная часть, но там еще есть удовлетворение человека от осознания того, что он что-то новое для себя делает, открывает. Делает и познает, так сказать. Это – на самом деле главный стимул развития человека.

С технологическим развитием, когда производственная система на этапе разделения производственной системы и социальной системы, исчезает материальный труд – как труд, в котором материальная компонента главная. Труд становится более

С.Д. Бодрунов,
директор Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте,
Президент Вольного экономического общества России,
Президент Международного Союза экономистов,
д.э.н., профессор

А.В. Бузгалин,
руководитель Центра социэкономки кафедры
политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова,
руководитель Московского отделения ИНИР им. С.Ю. Витте,
д.э.н., профессор

Финансовый капитал как могильщик капитализма

(Стенограмма коллоквиума 13.09.2018)

Александр Владимирович Бузгалин (АВБ). Сергей Дмитриевич, существует довольно хорошо известное старшему поколению обществоведов, выросших в Советском Союзе, положение Маркса, воспроизведенное потом Лениным в работе «Государство и революция» о том, что высшая фаза коммунизма отличается от первой фазы социализма тем, что там, на базе развития производительных сил, труд превращается в первую жизненную потребность и благодаря этому можно вводить распределение по потребностям. Распределять надо, в первую очередь, труд, а не утилитарные блага. Вы в своих работах показываете, что будущее предполагает продвижение по ту сторону материального производства, и передачи человеку преимущественно творческих функций, а нетворческие функции – сохранение их в сфере материального производства отделинной от социума и роботизированной, автоматизированной, с использованием современных технологий.

8. Еще один важный аспект. Не следует понимать призыв к ограничению финансового капитала как отказ от него немедленный. Финансовый капитал сегодня – не только создатель фиктивных благ и фиктивных потребностей, но и акселератор создания и других, реальных (что называется, поневоле, вынужденно – не может он существовать без производства!), во всех остальных сферах экономики. Поэтому правильнее понимать на данном этапе это ограничение как «переформатирование» механизмов его использования (от превалирования к «сервисной» роли) в целях возврата его к исходной функции – поддержке развивающегося новоиндустриального сектора и акселератора, тем самым, нашего включения в 4-ю индустриальную революцию.

9. Наконец, еще один важный аспект проблемы. Финансовый капитал, его непрерывный рост как концентрированное выражение «потребности» капитализма (в марксовом понимании) в непрерывной «добыче» прибыли, требует, как показано выше, непрерывного расширения рынка, создания потребности получать и сбывать продукт снова и снова. Но расширение экстенсивное ограничено, а интенсивное – не слишком выгодно. Тогда возникает соблазн расширить рынок не за счет освоения новых пространств или новых изделий, а путем «утилизации», уничтожения созданного/накопленного. Особенно, если это «выгоднее», чем «расширение рынка» указанными выше способами. Чувствуете? Вот – дыхание грозы! Выгоднее уничтожить – капиталист уничтожит. Отсюда – война как зачистка пространства для новых рыночных экспансий (стоит вспомнить: война как самый жесткий тип разрешения политических противоречий, а политика – как концентрированный интерес экономики... А экономика – как общественный механизм удовлетворения потребностей... Чьих – при капитализме, в числе основных? Капиталиста. В чем? В прибыли...). И еще – чем мощнее сила финансового капитала, тем проще его реципиентам представляется такой выход. В настоящий момент – ситуация становится критической: либо – победа финкапитала и «расчистка» (в той или иной, в т.ч. – военной, форме), либо (через техпрогресс и «параллельное» осознание необходимости упомянутого ограничения (нооэлементы – наука, культура...)) будут найдены способы его ограничить и сформировать НИО.2.

С.Д. Бодрунов,
директор Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного
экономического общества (ВЭО) России,
Президент Международного Союза экономистов,
д.э.н., профессор

Нооиндустриальный переход: роль финансового капитала*

Прослеживается эволюция функции денег, зарождение финансового капитала, постепенное усиление его роли. Подчеркивается двойственная природа капитала. Гиперразвитие финансового капитала представляется как угроза устойчивости экономики. Его доминирование в России – основная причина деиндустриализации. Ограничение финансового капитала рассматривается как фактор реиндустриализации, необходимой для перехода к НИО.2. Чтобы задействовать инновационную функцию капитала, необходим финансовый форсаж – вливания в инновационные направления технологического развития.

Ключевые слова: финансовый капитал, гиперразвитие финансового капитала, переход к НИО.2, влияние капитала на экономику, инновационная функция капитала, финансовый форсаж, нооиндустриальный переход.

Последние десятилетия все ярче проявляется нарастание перманентного системного кризиса [2, 9], что, правда, признается не всеми. И хотя падение мирового и страновых ВВП, вызванное финансовым кризисом 2008 г., судя по данным экономической статистики, успешно преодолено, причины, вызвавшие обвал экономик ведущих стран мира, не исчезли. В современной экономике накопилось множество противоречий, которые перестают играть роль источника ее развития, так как их преодоление в рамках существующей парадигмы хозяйствования практически невозможно.

* Опубликовано в журнале «Экономическое возрождение России». – 2018. – № 4(58). – С. 8-18. (По материалам доклада на семинаре Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте по теме «Финансовый капитал и стратегемы индустриальной революции» (28 сентября 2018 года)).

сегодня, еще раз обратим на это внимание, – не только создает фиктивные блага и симулятивные потребности, но и все еще остается в значительной мере акселератором развития реального производства, в том числе в некоторой мере – инновационного процесса. Поэтому правильнее понимать на данном этапе предлагаемые ограничения как переформатирование механизмов его использования (от превалирующей к обслуживающей роли) в целях возврата его к исходной функции – поддержке развивающегося нооиндустриального сектора и акселератора, включения тем самым российской экономики в 4-ю индустриальную революцию.

Анализируя современные мирохозяйственные и военно-политические процессы, следует указать и еще на один эффект неконтролируемой финансиализации. Непрерывный рост финансового капитала как концентрированное выражение потребности капитализма (в марксовом понимании) в непрерывном извлечении прибыли, требует непрерывного расширения рынка, создания потребности получать и сбывать продукт снова и снова. Но экстенсивное расширение ограничено, а интенсивное – не всегда выгодно, так как сопряжено с дополнительными затратами и рисками. Тогда возникает соблазн расширить рынок за счет не освоения новых пространств или новых изделий, а уничтожения уже созданного/накопленного.

Способ «расчистки» рынков, к сожалению, хорошо известен. Это – война... И у нее, в эпоху капитализма, есть экономическая подоплека. Если ценности (запасы товаров, инфраструктуру и т.д.) выгоднее уничтожить – капиталист их уничтожит. Война при таком взгляде – не что иное, как «зачистка» социально-экономического пространства для новых рыночных экспансий. При этом чем мощнее финансовый капитал, тем проще его собственникам представляется такой способ его наращивания. В настоящий момент ситуация в мире становится критической: человечество находится на развилке истории. Нас ждет либо окончательная «победа» финансового капитала и весьма вероятная последующая «расчистка» (в той или иной, в том числе военной, форме) рынков, либо будут найдены способы его ограничить и сформировать НИО.2.

Естественно, что второй путь автору видится не только предпочтительным, но и безальтернативным.

проблем современного человечества – стремительно сокращается. При этом вследствие все нарастающего превалирования симулятивных потребностей, человечество перерабатывает природный ресурс во все большей степени не на удовлетворение реальных потребностей общества, а в конечном счете на отходы. Значит и этот путь развития оказывается тупиковым.

Необходимо менять парадигму

Таким образом, сценарный анализ показывает, что растущая финансиализация, отражая сложившиеся к настоящему времени общественно-экономические реалии, способствует, в силу своей природы, ускоренному движению цивилизации к глобальному кризису.

Очевидно необходимо изменение парадигмы социального и экономического развития. Сегодня возникла настоятельная, жизненно важная и непреходящая потребность в «ограничении капитализма», рационализации потребностей общества и способов их удовлетворения, переходе (при сохранении и развитии индустриального способа производства для удовлетворения реальных потребностей людей и отказе от наращивания потребностей симулятивных) к НИО.2 и последующему ноообщественному устройству.

Здесь следует сделать важное замечание.

Доминирование финансового капитала в России после развала СССР – основная, глубинная причина состоявшейся деиндустриализации и отката страны в социально-экономическом развитии на десятилетия. Отсюда следует вывод, что требование ограничения финансового капитала в современной России должно рассматриваться как фактор реиндустриализации, необходимой для перехода к НИО.2. Без смены парадигмальных приоритетов декларируемые цели промышленной политики так и останутся красивыми лозунгами. Без эффективного контроля и целенаправленного управления финансовыми процессами не удастся создать предпосылки для перелома в технологической модернизации национального хозяйства и экономического лидерства в будущем.

Безусловно, не следует понимать призыв к ограничению финансового капитала как отказ от него. Финансовый капитал

В современной рыночной экономике диспропорция между финансовым и реальным капиталом столь существенна, что можно говорить о гиперразвитии финансового капитала, которое мы рассматриваем как одну из угроз устойчивости экономики и одну из основных причин ее стагнации. Активы банков в Западной Европе превышают ВВП соответствующих стран в 2-3 раза. В США госдолг превысил объем ВВП; объемы страхования, ипотечных фондов, паевых фондов и др. (каждый!) приблизились к объему ВВП. Деривативы превысили мировой ВВП в 6,5 раз; ВВП США – в 27,5 раза.

Начнем с исторического аспекта проблемы. В классической политической экономии принято считать, что деньги и порожденные ими финансовые отношения не являются обязательным атрибутом хозяйственной деятельности. Деньги – результат длительного исторического развития человечества. Они возникли вследствие развития экономики выше некоторого уровня, преодоление которого привело к появлению устойчивого производства прибавочного продукта, принявшего с течением времени форму товара.

Меновая торговля была неудобной и не всегда эффективной, что привело (в некоторых денежных теориях – стихийно, в других – на основе сознательного принятия соответствующего индивидуального или коллективного решения) к появлению денежного эквивалента стоимости (ценности) продукта. Возникла возможность аккумулировать стоимость в денежных единицах, что привело к образованию денежных фондов (хотя это не всегда были деньги в современном понимании – их функции могли выполнять скот, зерно, металлы и другие товары, выступавшие в качестве денежных эквивалентов). Владельцы фондов стали применять их для извлечения доходов, источником которых стала плата за пользование заемными средствами. Например, в одном из первых документальных источников по регулированию экономических отношений (в так называемых Законах вавилонского царя Хаммурапи) большое количество статей посвящено описанию правил совершения ростовщических операций.

Подчеркнем, что первичные деньги (мы понимаем под этим термином в данном случае товар-эквивалент) были локальными. Их оборот охватывал сравнительно обособленные географические области, и у разных народов (племен, родов и т. п.) появлялись

разные денежные единицы. При взаимодействии этих хозяйственных общностей устанавливался «валютный курс». Деньги возникали «из денег». Это привело к зарождению финансового капитала.

Оказалось, что эффективным (с позиций простоты совершения операций и затрат на преумножение денежных фондов) способом аккумуляции прибыли является совершение именно такого рода денежных сделок. Процесс развивался по нарастающей: вложение аккумулятивной валютной прибыли в валютный обмен позволяло получать «деньги из денег» существенно проще с точки зрения количества усилий по добыче/производству и последующей реализации тех или иных товаров.

Добавим сюда изобретение связанного с этими процессами займа под «процент», аккумуляцию «прибыли будущего». В итоге в силу большей простоты аккумуляции прибыли получило развитие ростовщичество. Этот финансовый институт стал весьма эффективным, но он существует не в сфере производства товаров, где человеческим трудом создаются новые ценности, а в сфере обращения денежных фондов, где ценности лишь перераспределяются. Эта эффективность принципиально базируется на несправедливости: выигрыш одних основан на проигрыше других. Проникновение института ростовщичества в социальную «ткань» приводит к формированию на несправедливой основе и других институтов общества. Несправедливые финансовые отношения, базирующиеся на ростовщичестве, подчиняют себе прочие институты общества и в первую очередь – само производство.

Для характеристики масштаба и серьезности проблемы вспомним библейский сюжет об изгнании Христом торговцев из храма – это ведь не о торговле, а о ростовщичестве. В древней Иудее оно не просто получило предельно оформленное развитие, но и через религиозно-государственное управление было внедрено в хозяйственный обиход едва ли не как «указание сверху».

Какова же была схема сформированной «религиозной» финансовой системы? В храме нельзя было жертвовать «неподходящее» животное (а, согласно канонам, жертва была обязательной), если оно не было одобрено «специальными людьми», которым иерархи храма предоставляли такое право. Поэтому было рекомендовано покупать «проверенную» жертву непосредственно

частности, через инвестиции (в погоне за прибылью) – в инновационный процесс, создавая описанный нами ранее эффект «ускорение ускорения» НТП¹⁰. В итоге по мере накопления критической массы инноваций периодически сменяются технологические уклады.

Скажем, сейчас современные технологии стремительно формируют новый технологический уклад, и в данный процесс «ускорение ускорения» инноваций дает основной вклад. Это – одна из базовых отличительных черт нового индустриального общества второго поколения (НИО.2)¹¹. Кстати, отсюда следует несостоятельность постиндустриалистского тезиса «отказа от производства» и подтверждение нашего тезиса о сохранении его (в качественно новом виде) как основы нового индустриального общества второго поколения.

К чему может привести растущая финансиализация экономики, да и всего общества?

Финансовый капитал, да и капитализм, по сути, в целом требуют постоянного получения дополнительного дохода (прибыли). Как это можно обеспечить? По нашему мнению, есть два основных пути.

Первый – симулятивный. Его природа – в дальнейшем разрастании финансового сектора и, по-видимому, в перспективе его полный отрыв от реального сектора экономики. Условно говоря, ключевая идея этого пути в том, что «деньги делают деньги», причем делают их «из воздуха». Очевидно, что это – тупиковый путь, и глобальный кризис 2008 г. это убедительно показал.

Второй путь – производственный. Его суть – в расширении производства (экстенсивно либо интенсивно, в количественном и/или качественном отношении: это в данном случае не принципиально, поскольку носит тактический характер). То есть здесь речь идет о создании нового продукта, а значит и прибыли, не из «ничего», не из «воздуха». Но любое производство, что известно еще из классической политической экономии, в конечном счете – это создание продукта из вещества природы посредством приложения человеческого труда. Природный ресурс – и это одна из глобальных

¹⁰ Об этом подробнее см.: *Бодрунов С.Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016.

¹¹ Там же.

Большая гибкость и динамичность финансового капитала предопределены различиями в инвестировании в разные сектора экономики. Между технологическими вложениями финансовых и производственных капиталистов имеется определенная разница. Промышленник-капиталист, как и финансовый капиталист, стремится к максимуму прибыли. В этой связи он минимизирует издержки; однажды освоив в производстве (сделав вложения в технологию и оборудование) некий продукт, будет производить его без изменений, «снимая сливки» (по Ф. Котлеру⁹), до тех пор, пока рынок данного продукта достигнет предела, пока не произойдет насыщение потребности, пока не окупятся технологические инвестиции. Только после этого будет инициировано усовершенствование и сделана инновация (если, конечно, конкурентная ситуация либо иные обстоятельства не потребуют сделать это раньше).

Заметим, что в древнем обществе не было активного инновационного процесса. Столетиями и даже тысячелетиями сами продукты и технологии их производства существенно не менялись. Так продолжалось до тех пор, пока не были изобретены деньги и прибыль. Инновации – ответ на требование удовлетворения все более возрастающих потребностей, удовлетворение которых, как отмечалось в наших предыдущих работах, через феномен осознания создает новые, все более расширяющиеся потребности.

Таким образом, формирование финансовых институтов для получения прибыли активно содействовало развитию института инновации, придавая ему постоянное ускорение. Уместно здесь вспомнить тезис, бурно обсуждавшийся в экономической науке, начиная с середины XX в., и не только обсуждавшийся, но и закрепившийся в государственной политике многих стран, в том числе СССР. Речь идет об «ускорении НТП». Откуда же оно взялось? Почему вдруг НТП возник, да еще и начал ускоряться? Не секрет, что в рыночной экономике главной экономической причиной этого было и остается стремление к увеличению прибыли.

При этом развитие инноваций, ускорение их внедрения создают предпосылки для поддержки ими других процессов – в

⁹ Котлер Ф., Келлер К.Л. Маркетинг менеджмент / Пер. с англ. 12-е изд. СПб.: Питер, 2006.

при храме. В силу очевидного монополизма такого рынка цены на нем были завышенными, а всю выгоду получали создатели рассматриваемой системы. Была введена специальная «храмовая» валюта (только ее и можно было жертвовать, а денежная жертва была обязательной, существовали даже специальные «тарифы», дифференцированные в зависимости от категории прихожан и случаев пожертвования). Таким образом, древний иудей, идя в храм (что было обязательным), должен был менять ходившие в быту деньги на храмовые. Курс обмена устанавливали менялы, «офисы» которых (меняльные конторы) размещались в храме. При необходимости менялы-ростовщики могли ссудить под процент нужную сумму.

Данное явление, проникшее в государственно-религиозный институт управления обществом и поддержанное им, стало подменять истинное содержание и смысл религиозных установлений. При этом оно издревле рассматривалось как непроизводительный и потому несправедливый вид деятельности. По нашему мнению, в том числе поэтому и восстал Христос, возможно, первым явственно осознавший губительность этого явления для цивилизации.

В Европе ростовщичество распространилось в средние века. Это было связано с увеличением объемов торговых операций и численности купцов, использующих этот финансовый институт, а также с рассеиванием иудейских общин, с их традиционным видом финансовой деятельности. Ростовщичество полностью изменило лицо европейской культуры и общественный уклад. В дальнейшем этот финансовый институт стал важным фактором активного развития капитализма как нового общественного строя.

Однако на начальных этапах извлечение прибыли шло, преимущественно опосредуясь сферами производства и обмена товаров. Соответственно и инвестиции должны были пройти сложный путь, обязательно включающий стадии производства и обмена. Финансовый капитал был необходимым подспорьем в этом процессе. Еще раз подчеркнем, что основную роль играл производительный, промышленный капитал. Почему так происходило? Потому что первичной была потребность растущего общества в товарах: надо было «во что-то одеться и чем-то кормиться». На базе этой потребности и возник индустриальный

способ производства, породивший капиталистическое (по Марксу) индустриальное общество. С развитием капиталистических отношений роль финансового капитала росла. Финансовые транзакции – это самый простой и быстрый способ извлечения/аккумулирования прибыли.

Стремительный рост промышленного производства формировал потребность общества в развитии финансовых технологий. Появились кредитные организации и соответствующий инструментарий. При этом развитие финансирования как института, финансовых инструментов и технологий в силу более быстрой оборачиваемости капитала осуществлялось быстрее, чем развитие собственно производства, требовавшего больших затрат и операций для извлечения прибыли.

На данном этапе монетизированный эквивалент все еще не мог существовать без реального сектора экономики. Финансовые потоки в индустриальном обществе играли очень важную, но все же вспомогательную, обслуживающую роль в воспроизводственном процессе.

В дальнейшем финансы, первоначально встроенные в процесс производства продукта, постепенно превратились в равноценный, а затем – в основной элемент экономики. Реальный и финансовый сектор постепенно менялись местами. Финансовый сектор по мере своего разрастания встраивал (только в необходимых случаях!) производство в процесс извлечения прибыли. Почему так происходило? Мы выделяем две ключевых причины:

1. Более простое/быстрое/эффективное аккумулялирование прибыли в этом секторе экономики.

2. Капиталист ориентирован, в конечном счете, не на производство товаров (скажем, масла или станков), а на извлечение прибыли в любой ее форме: например, в товарной (те же сапоги или огурцы), но лучше – в денежной, которая удобнее и универсальнее.

В бесконечной цепочке движения капитала произошла смена приоритетов: вместо Т-Д-Т она приняла форму Д-Т-Д'. Новая формула привела к сдвигу в экономическом мировоззрении: деньги стали рассматриваться не как посредник между товарами, а наоборот. Отсюда – тренд на выдавливание производительного капитала (более сложно устроенного и «добываемого») финансовым, подчинившим себе на современном этапе производственный

источников прибыли, начинает активно влиять на предпочтения потребителя, в том числе – стимулируя формирование и расширение симулятивных потребностей.

Меняется характер отношений в системе «потребитель – покупатель – рынок – продавец – производитель». И это изменение видно даже «невооруженным глазом». Например, буквально на глазах одного поколения изменился характер рекламных обращений. Изначально реклама играла роль средства оповещения потребителя о товаре (давала ответ на вопросы: что? где? почему?). Сегодня же, как правило, она приобрела довольно навязчивый характер и нацелена на внедрение в сознание потребителя мысли, что без очередного «супертовара» (и уже чаще всего – симулятивного!) потребитель просто не сможет существовать – если не физиологически, то социально.

Современной рекламой как сублимированным «выразителем/провайдером» интересов финансового капитала стимулируется возникновение и развитие, прежде всего, симулятивных потребностей, что привело (и не могло не привести) к превалированию соответствующих товаров на рынках. Таким образом, финансиализация меняет не только соотношение между реальным и финансовым секторами экономики, но и структуру реального сектора, в том числе структуру материального производства, а в дальнейшем – и социальную структуру через изменение моделей поведения, ценностей и мировосприятия людей.

Отметим, что причины доминирования финансового капитала обусловлены не только его собственной природой (в частности, описанными особенностями, предельно высокой готовностью⁸ и др.), но и развитием, как ни покажется странным на первый взгляд, производственного сектора. Здесь идет речь о создании качественно новых технологий и их активном применении в финансовой сфере как отклике на ее собственные потребности, а также об иных трансформационных процессах, вытекающих из прогресса технологий. Данные трансформации, с одной стороны, этим прогрессом обусловлены, с другой – финансовый капитал как более гибкая и динамичная форма капитала их более активно и результативно использует.

⁸ Об этом подробнее см.: Бодрунов С.Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018.

публикациях доминирование финансового капитала над капиталом реального сектора экономики получило название «финансиализация»⁶. Причины и содержание этого процесса, однако, как правило, детально не раскрываются, дается лишь его количественная характеристика, хотя в последние годы появился ряд монографий и статей, в которых предлагаются различные авторские варианты анализа доминирования финансового капитала над реальным сектором экономики⁷.

Следует понимать, что, поскольку прибыль аккумулируется в денежной (наиболее, в силу простоты транзакций, ликвидной) форме, постольку при достижении пределов насыщения рынка (удовлетворения реальных потребностей), но при неизменном сохранении желания капиталиста получать прибыль, неизбежно меняется характер/тип удовлетворения потребностей и вид рынка. Вместо «рынка покупателя/потребителя» (формирующего преимущественно реальные потребности) складывается и все более растет «рынок продавца», который, в целях создания для себя новых

⁶ См., напр.: Minsky H. *Stabilizing an Unstable Economy*. New Haven: Yale University Press. 1986; Sweezy P. *The Triumph of Financial Capital* // *Monthly Review*. 1994. Vol. 46; Money and the Nation State. *The Financial Revolution, Government and the World Monetary System* / R. H. Timberlake, K. Dowd (Eds.), M. H. Miller (Foreword). L. 1998; Binswanger M. *Stock Markets, Speculative Bubbles and Economic Growth: New Dimensions in the Co-evolution of Real and Financial Markets*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 1999; Tobin J. *World Finance and Economic Stability: Selected Essays of James Tobin*. Cheltenham, Glos. et al.: Elgar. 2003; Toussaint E. *Bankocracy*. Delhi: Aakar Books. 2017. et. al.

⁷ *Ершов М.В.* Мировой финансовый кризис. Что дальше? М.: Экономика, 2011; *Ершов М.В.* Экономический суверенитет России в глобальной экономике. М.: Экономика, 2005; *Рязанов В. Т.* (Не)Реальный капитализм. Политэкономика кризиса и его последствий для мировой экономики и России. М.: Экономика, 2016; *Пороховский А.А.* Долговой феномен американской экономики // США и Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 12. С. 3–14; *Пороховский А.А.* Вектор мировой экономики после экономического кризиса 2007–2009 гг. // Долговая проблема как феномен XXI века / Под ред. А.А. Пороховского. М.: МАКС Пресс, 2014. С. 9–19; *Пороховский А.А.* Деньги: функции и роль в XXI веке // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 12. С. 108–114. *Тер-Мартirosян Н.А.* Фиктивный капитал в современной экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2016. № 4 (100). С. 173–177; *Эпштейн Д.* Финансиализация превратила глобальную экономику в картонный домик // Мир перемен. 2017. № 3. С. 152–158.

капитал. Сегодня этот тренд стал настолько значимым, что можно говорить о его фундаментальном влиянии на экономику.

Начиная с конца XIX в. происходит интенсификация этого направления, что отразили в своих работах Р. Гильфердинг [5], В.И. Ульянов (Ленин) [8] и др. В настоящее время доминирование финансового капитала над капиталом реального сектора экономики получило название финансиализации [13–18]. Причины и содержание этого процесса, как правило, детально не раскрываются, дается лишь его количественная характеристика, хотя в последние годы появились монографии и статьи, в которых анализируется этот феномен [6, 10, 11].

Поскольку аккумуляция прибыли осуществляется в денежной форме, при достижении пределов насыщения рынка (удовлетворения реальных потребностей), но при неизменном сохранении желания капиталиста получать прибыль, неизбежно происходит изменение характера/типа удовлетворения потребностей и вида рынка. Вместо «рынка покупателя/потребителя» (формирующего преимущественно реальные потребности) формируется и все более растет «рынок продавца», которому требуются новые источники прибыли, и он начинает активно влиять на предпочтения потребителя, в том числе стимулируя формирование и расширение симулятивных потребностей.

Меняется характер отношений в системе «потребитель – покупатель – рынок – продавец – производитель». Например, буквально на глазах одного поколения изменился характер рекламных обращений. Если изначально реклама оповещала потребителя о товаре (давала ответ на вопросы: что? где? почём?), то сегодня, как правило, она навязчиво внушает потребителю мысль о том, что без очередного «супертовара» (чаще всего – симулятивного!) он просто не сможет существовать – если не физиологически, то социально.

Современная реклама как сублимированный выразитель/провайдер интересов финансового капитала стимулирует возникновение и развитие прежде всего симулятивных потребностей, что привело (и не могло не привести) к превалированию соответствующих товаров на рынках. Таким образом, финансиализация меняет не только соотношение между реальным и финансовым секторами экономики, но и структуру

реального сектора, в том числе структуру материального производства, а в дальнейшем – и социальную структуру через изменение моделей поведения, ценностей и мировосприятия.

Отметим, что к причинам, способствующим росту доминирования финансового капитала, относятся не только обусловленные его собственной природой (предельно высокие пенетрация, реадiness-способность [4] и др.), но и развитием, как ни покажется странным, производственного сектора.

Мы говорим о создании качественно новых технологий и их активном применении в финансовой сфере как отклике на ее собственные потребности, а также об иных трансформационных процессах, обусловленных прогрессом технологий. Финансовый капитал как более гибкая и динамичная форма капитала активно и результативно использует данные трансформации.

Прогресс технологий материального производства как фактор экспансии финансового капитала – это лицевая сторона медали. Есть, однако, и обратная, о которой мы скажем ниже. А сейчас рассмотрим внимательно лицевую сторону медали.

Большая гибкость и динамичность финансового капитала обусловлена различиями в инвестировании в разные сектора экономики. Между технологическими вложениями финансовых и производственных капиталистов имеется определенная разница. Промышленник-капиталист, как и финансовый капиталист, стремится к максимуму прибыли. Чтобы минимизировать издержки, он, однажды освоив производство некоего продукта (сделав вложения в технологию и оборудование), будет производить его без изменений, «снимая сливки» (по Ф. Котлеру [7]), до тех пор, пока не будет достигнут предел насыщения рынка данного продукта, не произойдет насыщение потребности и не окупятся технологические инвестиции, а если он промахнулся с направлением вложений, – пока не подтолкнет конкуренция. И только после этого инициируется усовершенствование и создается инновация.

Заметим, что в древнем обществе не было активного инновационного процесса. Столетиями и даже тысячелетиями ни продукты, ни технологии их производства существенно не менялись. И так продолжалось до тех пор, пока не были изобретены деньги и прибыль. Инновации – это ответ на требование удовлетворения все возрастающих потребностей, удовлетворение которых, как мы

роль в воспроизводственном процессе. Но в дальнейшем финансы, будучи первоначально встроенными в процесс производства продукта, постепенно превратились в силу своей природы в равноценный, а затем – в превалирующий элемент экономики. Реальный и финансовый сектора постепенно менялись местами. Финансовый сектор, по мере его разрастания, встраивал (и то – только в необходимых случаях!) производство в процесс извлечения прибыли.

Почему так происходило? Выделим две ключевых причины.

Во-первых, как упоминалось, бесспорно более простое/быстрое/ эффективное аккумулирование прибыли в этом секторе экономики.

Во-вторых, капиталист ориентирован в конечном счете не на производство тех или иных товаров (скажем, сапог или огурцов), а на извлечение прибыли в любой ее форме. Эта форма может быть товарной (например, те же сапоги или огурцы), но лучше – денежной, которая более удобна и универсальна.

В бесконечной цепочке движения капитала произошла смена приоритетов. Вместо Т-Д-Т' она приняла форму Д-Т-Д'. Новая формула привела к сдвигу в экономическом мировоззрении: деньги стали рассматриваться не как посредник между товарами, а наоборот. Отсюда – тренд выдавливания производительного капитала (более сложно устроенного и «добываемого») финансовым, подчинившим себе на современном этапе производственный капитал. В сегодняшних условиях этот тренд стал настолько значимым, что можно говорить о его фундаментальном влиянии на экономику.

Последствия гиперразвития финансового капитала (финансиализация экономики и общества)

Рассмотренный тренд особенно интенсифицируется, начиная с конца XIX в., что отразили в своих работах Р. Гильфердинг⁴, В. Ульянов (Ленин)⁵ и др. В настоящее время в научных

⁴ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. М.: Соцэкгиз, 1959.

⁵ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 299-426.

восстал Христос – возможно, первым явственно осознавший губительность этого явления для цивилизации.

В Европе ростовщичество распространилось в средние века. Его расширение было связано с увеличением объемов торговых операций и численности купцов, использующих этот разрастающийся финансовый институт, а также с рассеиванием иудейских общин с их традиционным видом финансовой деятельности. Ростовщичество полностью изменило лицо европейской культуры и общественного уклада. Этот финансовый институт стал важным (если – не основным!) фактором активного развития капитализма как нового общественного строя.

Однако на начальных этапах извлечение прибыли шло, преимущественно опосредуясь сферами производства и обмена товаров. Соответственно, и инвестиции должны были пройти сложный путь производства и обмена. Финансовый капитал оказался необходимым подспорьем в этом процессе, причем еще раз подчеркнем, преимущественную роль играл производительный, промышленный капитал.

Почему так происходило? Потому что первичной была потребность растущего общества в товарах – надо было «одеться и накормиться», что и дало возможность создать возникший на базе этой потребности изобретенный человечеством индустриальный способ производства, породивший капиталистическое (по Марксу) индустриальное общество.

С развитием капиталистических отношений роль финансового капитала росла. Финансовые транзакции, как уже указывалось, – это самый простой и быстрый способ извлечения/аккумулирования прибыли. Стремительный рост промышленного производства формировал потребность общества в развитии финансовых технологий. Появились кредитные организации и соответствующий инструментарий. При этом развитие финансирования как института, финансовых инструментов и технологий, в силу быстрой оборачиваемости капитала, осуществлялось более быстрыми темпами, чем развитие собственно производства, требовавшего больших затрат и операций для извлечения прибыли. При этом для своего существования монетизированный эквивалент все еще не мог обойтись без реального сектора экономики. Финансовые потоки играли очень важную, но все же вспомогательную, обслуживающую

отмечали в предыдущих работах, через феномен осознания создает новые, все более расширяющиеся потребности.

Формирование финансовых институтов для получения прибыли активно содействовало развитию института инноваций, придавая ему постоянное ускорение. И это – второй выход на проблему соотношения финансиализации и развития НИО.2.

Уместно вспомнить тезис, активно обсуждавшийся в экономической науке с середины XX в. и получивший закрепление в государственной политике многих стран, в том числе в СССР. Речь идет об «ускорении НТП». Откуда оно взялось, это ускорение? Почему вдруг возник НТП, да еще и начал ускоряться? Не секрет, что в рыночной экономике главной экономической причиной этого являлось (и является) стремление к увеличению прибыли. При этом развитие инноваций, ускорение их внедрения формирует предпосылки для поддержки ими других процессов (в частности через инвестиции) и самого инновационного процесса, создавая эффект ускорения ускорения НТП [3]. Итогом является периодическая смена технологических укладов по мере накопления критической массы инноваций.

В частности, современные технологии стремительно формируют новый технологический уклад, и в этот процесс «ускорение ускорения» инноваций вносит основной вклад. Это – одна из базовых отличительных черт нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) [3]. Кстати, отсюда следует несостоятельность постиндустриалистского тезиса об «отказе от производства» и подтверждение нашего тезиса о сохранении его (в качественно новом виде) в роли основы нового индустриального общества второго поколения.

Теперь об оборотной стороне финансиализации: о ее негативном влиянии на прогресс технологий, экономики и общества. Финансиализация, вызванная к жизни в немалой степени прогрессом технологий, как любой паразит, начинает пожирать то тело, на котором и благодаря которому она выросла, вызывая перелив капитала из сферы материального производства (в том числе – инновационного) в сферу финансового посредничества. Но это не все. В силу своей природы она, вынужденно поддерживая и ускоряя инновационный процесс, при каждой возможности тормозит развитие материального производства. Более того, она ориентирует

его, как показано выше, на удовлетворение симулятивных потребностей, в немалой степени способствуя экспансии последних.

К чему может привести растущая финансиализация экономики да и всего общества? Финансовый капитал и капитализм по своей сути требуют постоянного дополнительного дохода (прибыли). Как это может быть обеспечено? По нашему мнению, имеется несколько путей.

Сначала – о втором, симулятивном пути. Он предполагает дальнейшее разрастание финансового сектора и, по-видимому, в перспективе – его полный отрыв от реального сектора экономики. Ключевую идею этого пути можно сформулировать так: «деньги делают деньги», причем делают их «из воздуха». Очевидно, что это – тупиковый путь, что убедительно показал глобальный кризис 2008 г.

Первый путь – производственный. Его суть – расширение производства (подварианты – экстенсивно либо интенсивно, в количественном и/или в качественном отношении – это не принципиально, в данном случае эти вопросы носят тактический характер). Здесь речь идет о создании нового продукта, а значит, и прибыли не из «воздуха».

Но, как известно из классической политической экономии, любое производство – это создание продукта из вещества природы посредством приложения человеческого труда. А природный ресурс стремительно сокращается – это одна из глобальных проблем современного человечества. А поскольку превалирующими становятся симулятивные потребности, значит, переработанный природный ресурс в значительной степени тратится не на удовлетворение реальных потребностей общества, а, в конечном счете, на отходы. Получается, что при сохранении экономических и социальных отношений в текущей парадигме развития и этот путь оказывается тупиковым.

Подходим к самому главному – к роли финансового капитала в трансформации индустриального капиталистического способа производства в ноономику.

Сценарный анализ, выполненный нами в книге «Ноономика» [4], показывает, что растущая финансиализация способствует ускоренному движению цивилизации к глобальному кризису.

Очевидно, что необходимо изменение парадигмы социального и экономического развития. Существует жизненно важная (и объективная!) потребность в «ограничении капитализма»,

В ростовщических финансовых операциях выигрыш одних вызван проигрышем других. Проникновение института ростовщичества в социальную «ткань» приводит к формированию и других институтов общества на несправедливой основе. Несправедливые финансовые отношения, базирующиеся на ростовщичестве, подчиняют себе прочие институты общества. И, как это ни парадоксально, – само производство. Для характеристики масштаба и серьезности проблемы уместно вспомнить известный библейский сюжет, который касается «изгнания торгующих из храма» Христом. Он – не о торговле, а о ростовщичестве. В древней Иудее оно не просто получило предельно оформленное развитие, но и через религиозно-государственное управление внедрено было в хозяйственный обиход едва ли не как «указание сверху». Какова же была схема сформированной «религиозной» финансовой системы?

В Храме нельзя было жертвовать «неподходящее» животное (а жертва была обязательной согласно канонам религии), если оно не получало одобрения «специальных людей», которым иерархами Храма предоставлялось такое право. Поэтому рекомендовалось покупать «проверенную» жертву непосредственно при Храме. В силу очевидного монополизма такого рынка, цены на нем были завышенными, выгодоприобретатели такой ситуации – создатели рассматриваемой системы. Также была введена специальная «храмовая» валюта (только ее и можно было жертвовать, а денежная жертва тоже была обязательной, даже установлены специальные «тарифы», дифференцированные в зависимости от категории прихожан и случаев жертвования). Древний иудей, идя в Храм (что было обязательным), менял ходившие «бытовые» деньги на храмовые. При этом курс обмена устанавливали менялы, «офисы» которых (меняльные конторы) тут же, в Храме, и размещались. При необходимости эти менялы-ростовщики могли ссудить под процент необходимую сумму.

Таким образом, ростовщичество как явление, проникшее в государственно-религиозный институт управления обществом и будучи им поддержано, стало подменять собой истинное содержание и смысл религиозных установлений. Оно издревле рассматривалось как непроизводительный (и потому несправедливый) вид деятельности. Поэтому, по нашему мнению, в том числе и поэтому,

Это привело к образованию денежных фондов (хотя это и не всегда были деньги в современном понимании – их функции могли выполнять скот, зерно, металлы и другие товары, выступавшие в качестве денежных эквивалентов).

Владельцы денежных фондов стали использовать их для извлечения доходов. Источником этих доходов были проценты, взимаемые с должника за пользование заемными средствами. Например, в одном из первых документальных источников по регулированию экономических отношений – в так называемых Законах вавилонского царя Хаммурапи – большое количество статей посвящено описанию правил совершения ростовщических операций.

Подчеркнем, что первичные деньги (мы понимаем под этим термином в данном случае товар-эквивалент) были локальными. Их оборот охватывал сравнительно обособленные географические области. Таким образом, у разных народов (племен, родов и т.д.) появлялись разные денежные единицы. При взаимодействии этих хозяйственных общностей устанавливался «валютный курс». Это привело к зарождению того, что в будущем стало именоваться финансовым капиталом.

Оказалось, что эффективным (с позиций простоты совершения операций и затрат на приумножение денежных фондов) способом аккумулировать прибыль стало совершение такого рода валютнообменных сделок. При этом процесс, очевидно, развивался по нарастающей: вложение аккумулированной валютной прибыли в валютный обмен позволяло получать «деньги из денег», что существенно проще, имея в виду количество усилий по добыче/производству и последующей реализации тех или иных товаров.

Стоит сказать и об изобретении связанного с этими процессами займа под «процент», аккумуляцию «прибыли будущего». В итоге получило развитие, в силу большей простоты аккумуляции прибыли, ростовщичество. Этот финансовый институт стал весьма эффективным, но, так как он существует не в сфере производства товаров, где создаются человеческим трудом новые ценности, а в сфере обращения денежных фондов, где ценности лишь перераспределяются, такая эффективность связана с несправедливостью.

рационализации потребностей общества и способов их удовлетворения, в переходе к НИО.2 и последующему ноообщественному устройству (при сохранении и развитии индустриального способа производства для удовлетворения реальных потребностей людей и отказе от наращивания потребностей симулятивных).

Такой переход (в том числе и приоритетно – вследствие эволюционирования финансового капитала как института в гипертрофированные формы) становится объективной потребностью. Мы имеем (также объективно!) возможность реализации такого перехода – через ускорение ускорения НТП в силу более быстрого, «ускоренного», развития по сравнению с развитием экономических институтов, обеспечивающего переход хозяйственной деятельности из экономической в неэкономическую форму в рамках ноообщественной парадигмы развития – и тем самым неизбежность такого перехода! Но в нооиндустриальном обществе, материальный базис которого основан на неэкономических отношениях, исчезнет целевая функция экономических отношений – извлечение прибыли! А вместе с этим – и сам финансовый капитал как институт, обеспечивающий данную функцию.

Напрашивается вопрос – исчезнет ли и инновационный процесс? Нет, поскольку он обеспечивается не только целью извлечения прибыли (даже в экономическом обществе), но и иными целями, в частности, необходимостью удовлетворения потребности человека в творчестве, которая будет возрастать, и в нооиндустриальном обществе творческий труд станет главной потребностью человека.

Эта теоретическая конструкция имеет абсолютно практическое значение для России сегодня, для оценки трендов ее (и мирового) развития. Доминирование финансового капитала в России, возникшее и постоянно усиливающееся после развала СССР, – основная, глубинная причина деиндустриализации и отката страны в социально-экономическом развитии на десятилетия.

Отсюда следует, что требование ограничения финансового капитала в современной России должно рассматриваться как фактор реиндустриализации, необходимой для перехода к НИО.2. Без смены парадигмальных приоритетов декларируемые цели промышленной

политики останутся красивыми лозунгами. Без эффективного контроля и целенаправленного управления финансовыми процессами не удастся создать предпосылки для перелома в технологической модернизации национального хозяйства и экономического лидерства в будущем.

Безусловно, не следует понимать призыв к ограничению финансового капитала как отказ от него уже на данном этапе. Финансовый капитал, имея двойственную природу, сегодня – не только создатель фиктивных благ и симулятивных потребностей, но и акселератор развития реального производства, в том числе в некоторой мере – инновационного процесса. Поэтому правильнее понимать на данном этапе предлагаемые ограничения как переформатирование механизмов его использования (от превалирования к обслуживающей роли) в целях возврата его к исходной и позитивной функции – поддержке развивающегося новоиндустриального сектора и акселератора включения российской экономики в 4-ю индустриальную революцию. Необходима трансформация финансового капитала, превращение его из паразитического нароста на экономике и обществе, генерирующего симулятивные потребности и иррациональные способы их удовлетворения, в акселератор инновационного развития реального сектора по пути перехода к НИО.2 и затем – к ноономике.

Таким образом, перед нами вырисовывается стратегема нооиндустриальной революции. В нашем понимании стратегема (в широком смысле!) – это некие комплексы/последовательности объективных событий в стратегических направлениях развития избранного предмета, в данном случае – нооиндустриальной революции (которая, как мы подозреваем, есть технологический/базисный элемент перехода к НИО.2 и, далее, к ноопроизводству, ноономике и ноообществу).

Подытожим: финансовый капитал в процессе исторического развития из слуги индустрии (и технологического прогресса!) превратился в его хозяина, сеньора, сюзерена. Имея двойственную природу, он, с одной стороны, вынужденно способствовал технологическому прогрессу, а с другой – все больше его тормозил. В исторической перспективе это противоречие должно разрешиться таким образом: финансовый капитал вновь станет слугой развития производства и общества на весь оставшийся ему век, вплоть до его

то что драматическое падение мирового и страновых ВВП, вызванное финансовым кризисом 2008 г., судя по количественным показателям экономической статистики, успешно преодолено, причины и предпосылки, вызвавшие тот обвал экономик ведущих стран мира, никуда не исчезли. В современной экономике накопилось большое количество противоречий, которые постепенно перестают играть роль источника ее развития, так как их преодоление в рамках существующей парадигмы хозяйствования практически невозможно. Это не означает, что развитие прекратится, – нет, оно продолжится, но продолжится через «созидательное разрушение»³. Это означает, что в обозримом будущем нас ждут новые острые проявления кризиса.

Одной из важных диспропорций, сформировавшихся в современной рыночной экономике, стала диспропорция между финансовым и реальным капиталом. Она столь существенна, что можно говорить о «гиперразвитии» финансового капитала, которое мы рассматриваем как одну из угроз устойчивости экономики и одну из основных причин ее стагнации. Обратимся поэтому к анализу предпосылок форм проявления и возможных последствий этого явления.

Как принято считать в современной экономической теории, деньги и порождаемые ими финансовые отношения – не обязательный атрибут хозяйственной деятельности. Деньги – результат длительной исторической эволюции человечества. Они возникли вследствие развития экономики выше определенного уровня, преодоление которого привело к устойчивому производству прибавочного продукта, ставшего с течением времени формой товара.

Меновая торговля была неудобной и не всегда эффективной, это привело (по некоторым денежным теориям – стихийно, по некоторым – на основе сознательного принятия соответствующего индивидуального или коллективного решения) к появлению денежного эквивалента стоимости (ценности) продукта. Возникла и возможность аккумулировать стоимость в денежных единицах.

³ Зомбарт В. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. Исследования по истории развития современного капитализма. СПб.: Владимир Даль, 2008.; Шумпетер Й.А. Капитализм, Социализм и Демократия. М.: Экономика, 1995.

С.Д. Бодрунов,
директор Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного
экономического общества (ВЭО) России,
Президент Международного Союза экономистов,
д.э.н., профессор

Гиперразвитие финансового капитала как глобальная цивилизационная угроза¹

Одна из важных черт современной экономики – нарастающая финансиализация. Поэтому важно рассмотреть ее эволюцию и особенности институционального закрепления на различных этапах ее развития, оценить влияние финансиализации на материальное производство и экономическую систему в целом, определить эффекты доминирования финансового сектора экономики над реальным, показать природу этих эффектов.

Исторические аспекты возникновения и развития финансового капитала

В наши дни мир находится в состоянии перманентного системного кризиса, что, правда, признается не всеми². Несмотря на

¹ Опубликовано в журнале «Мир перемен». – 2018. – № 4. – С. 172-181.

² Подробнее о системности нынешнего кризиса см.: *Бодрунов С.Д.* Выход из противоречий глобализации: Евразийское сотрудничество может стать общей дорогой к новой цивилизации // Научные труды Вольного экономического общества России. 2017. Т. 207. С. 39-60; *Ершов М.В.* О перспективах и рисках развития после кризиса // Деньги и кредит. 2011. № 2. С. 8-14; *Комлос Дж.* Что должен знать каждый, кто изучает экономику, и о чем не написано в обычных учебниках: Монография / Науч. ред. С.Д. Бодрунов. М.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2018.; О стратегии развития экономики России: Науч. докл. / С.Ю. Глазьев, В.В. Ивантер, В.Л. Макаров и др. // Экономическая наука современной России. 2011. № 3. С. 7-31; *Плотников В.А.* Изменения глобальных институтов управления под влиянием национальных экономических интересов / По материалам XII Петербургского международного экономического форума // Экономика и управление. 2008. № 3 (35). С. 7–9.

ликвидации. Причина – в базовой стратегеме НТР, которая состоит в опережающем развитии технологий, причем с «ускорением ускорения», что неизбежно должно привести к переходу к неэкономическим формам хозяйствования (и удовлетворения потребностей!) и исчезновению (гибели!) финансового капитала!

В заключение – две практические позиции, вытекающие из логики наших рассуждений:

1. Инновационная функция капитала еще не изжила себя и может быть поставлена на службу рациональному цивилизационному развитию. Опыт многих стран в предыдущие десятилетия показывает высокую эффективность «финансового форсажа» (термин Я. Миркина [12]), когда за счет форсированных финансовых вливаний в реальный сектор экономики ряда стран наблюдался мощный экономический рост, поскольку в результате создавались новые инновационные продукты, новые реальные потребности и дополнительные рынки. Для России этот опыт, подтверждающий сохранившуюся на данном историческом отрезке развития цивилизации инновационную функцию финансового капитала, бесценен.

Нам как воздух необходим финансовый форсаж – но не просто накачка экономики деньгами, а целенаправленные вливания в инновационные прорывные направления технологического развития; в направления, создающие новую экономику очередного технологического уклада: продукты на базе инфо-, когни-, нано-, био-, генно- и прочих технологий. Есть ли у нас средства? Да, я говорю об этом много лет. Мы имеем огромные и плохо используемые деньги. Наши ЗВР переразмерены примерно втрое, банковские активы в разы превышают ВВП, триллионы рублей россиян лежат под подушкой. И практически ничего ни во что не инвестируется. Я не привожу цифр, я просто отсылаю вас к новой книге академика А.Г. Аганбегяна «Финансы, бюджет и банки в новой России» [1], где есть масса выкладок, подтверждающих приведенные утверждения. При рациональном использовании финансовых ресурсов мы смогли бы грамотно распорядиться инновационной компонентой института под названием «финансовый капитал» и стать экономическими лидерами будущего, поскольку экономические лидеры будущего – лидеры технологические!

2. Анализируя современные мирохозяйственные и военно-политические процессы, отметим еще один эффект

неконтролируемой финансиализации. Непрерывный рост финансового капитала как концентрированное выражение потребности капитализма (в Марксовом понимании) в непрерывном извлечении прибыли требует постоянного расширения рынка, создания потребности получать и сбывать продукт снова и снова. Но экстенсивное расширение ограничено, а интенсивное – не всегда выгодно, так как сопряжено с дополнительными затратами и рисками. Тогда возникает соблазн расширить рынок не за счет освоения новых пространств или новых изделий, а ... путем уничтожения уже созданного/накопленного!

Способ «расчистки» рынков, к сожалению, хорошо известен. Это – война... И у нее в эпоху капитализма есть экономическая подоплека. Если ценности (запасы товаров, инфраструктуру и т. д.) выгоднее уничтожить – капиталист их уничтожит. Война при таком взгляде – не что иное, как «зачистка» социально-экономического пространства для новых рыночных экспансий. И чем мощнее финансовый капитал, тем проще его собственникам представляется такой способ его наращивания. В настоящий момент ситуация в мире становится критической: человечество находится на развилке истории. И тут либо нас ждет окончательная «победа» финансового капитала с весьма вероятной «расчисткой» рынков (в любой, в том числе военной, форме), либо будут найдены способы его ограничения и формирования НИО.2.

И если мы хотим сохранить свою цивилизацию, второй путь представляется безальтернативным.

Литература

1. Аганбегян, А. Г. Финансы, бюджет и банки в новой России / А. Г. Аганбегян. – М.: Издат. дом "Дело" РАНХиГС, 2018. – 400 с.
2. Бодрунов, С. Д. Выход из противоречий глобализации: Евразийское сотрудничество может стать общей дорогой к новой цивилизации / С. Д. Бодрунов // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2017. – Т. 207. – С. 39-60.
3. Бодрунов, С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С. Д. Бодрунов. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016. – 328 с.

4. Бодрунов, С. Д. Ноономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
5. Гильфердинг, Р. Финансовый капитал / Р. Гильфердинг. – М.: Соцэкгиз, 1959. – 491 с.
6. Ершов, М. В. Экономический суверенитет России в глобальной экономике / М. В. Ершов. – М.: Экономика, 2005.
7. Котлер, Ф. Основы маркетинга / Ф. Котлер. – М.: Издат. дом "Вильямс", 2007. – 656 с.
8. Ленин, В. И. Империализм как высшая стадия капитализма / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 27. – С. 299-426.
9. О стратегии развития экономики России / С. Ю. Глазьев, В. В. Ивантер, В. Л. Макаров [и др.] // Экономическая наука современной России. – 2011. – № 3. – С. 7-31.
10. Пороховский, А. А. Деньги: функции и роль в XXI веке / А. А. Пороховский // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2017. – № 12. – С. 108-114.
11. Рязанов, В. Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мировой экономики и России / В. Т. Рязанов. – М.: Экономика, 2016.
12. Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика / под ред. Я. М. Миркина. – М.: Магистр, 2014. – 496 с.
13. Binswanger, M. Stock Markets, Speculative Bubbles and Economic Growth: New Dimensions in the Co-evolution of Real and Financial Markets / M. Binswanger. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 1999.
14. Minsky, H. Stabilizing an Unstable Economy / H. Minsky. – New Haven: Yale University Press, 1986.
15. Money and the Nation State. The Financial Revolution, Government and the World Monetary System / R. H. Timberlake, K. Dowd (Eds.), M. H. Miller (Foreword). – L., 1998.
16. Sweezy, P. The Triumph of Financial Capital / P. Sweezy // Monthly Review. – 1994. – Vol. 46.
17. Tobin, J. World Finance and Economic Stability: Selected Essays of James Tobin. – Cheltenham, Glos. et al.: Elgar, 2003.
18. Toussaint, E. Bankocracy / E. Toussaint. – Delhi: Aakar Books, 2017.